



Андрей Кулинский

БЕГИ ЧЕРЕЗ ЛЕС

16+

Андрей Кулинский

Беги через лес

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кулинский А. А.

Беги через лес / А. А. Кулинский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Прошное преследует Пилар и ее младшего брата Пабло, куда бы они ни подались, но в маленьком приграничном городке одной из стран Латинской Америки, расположенном на окраине дикой сельвы, им, кажется, наконец удастся обрести покой. Пилар устраивается на работу и поступает в университет, а Пабло находит новых друзей в школе. Вот только спокойствие длится недолго, и вскоре за Пилар и Пабло вновь начинается охота, им придется скрываться, как и прежде, потому что они оборотни, а их кровь очень дорого стоит. Для подготовки обложки издания использована художественная работа Андрея Трамваева.

© Кулинский А. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Глава первая.

Совершенно бурлящий, где шум становился частью воды, поток капель и воздуха заворожил профессора, подобно огню, или действу актеров на сцене. Дикие латания щекотали ноги, от перелива света хотелось плакать и смеяться.

– Каждая жизнь обретает смысл в чужой жизни, – говорил профессор, всматриваясь в искрящийся светом фонтан.

Лучи солнца преломлялись сквозь поток, расплываясь красочными пятнами по полу и стенам, зеленеющим зарослями пышного колючего каперса и пухнувшей от жары белены, вросших в металлические балки, вытесняющих пожелтевшие стекла высоких, во всю стену, толстых окон.

Заброшенная оранжерея была символом увядающего города, расположенная на окраине, порой привлекала она внимание не меньшее, нежели центральная городская площадь. По вечерам здесь собиралась молодежь, по пятницам и субботам фотографы привозили женихов и невест для красивых снимков, иногда сюда забредали случайные туристы, а будним днем оранжерея пустовала, и профессор любил приходить сюда, чтобы помечтать о своих книгах или помыслить о своей жизни.

Посреди главного зала оранжереи, большого остекленного овального помещения, был выстроен макет окружающей город природы. Бьющий в центре макета фонтан символизировал вырывающуюся в глубине леса на поверхность подземную реку, горячие воды которой брали свое начало под обломками взорвавшегося сотни лет назад вулкана. Реку обрамляли берега из черного песка и похожих на маленькие бриллианты стеклянных камешков, на границе которых начиналась жирная, плотная, словно переплетение молодых мышц, сельва. Профессор никогда не был там, хотя лес находился не так далеко и манил его с детства. Иногда он ненавидел себя за подобную нерешительность, терзался мыслями, что жизнь сложилась именно так из-за проклятого леса, из-за страшных историй отца о садах дьявола, прятаящихся в глубине сельвы. Так профессор создал своего героя, полного его антипода, высокого и сильного мужчину, защищавшего город от лесных созданий. Истории подвигов персонажа приходили внезапно, наяву или даже во сне, раньше профессор бросался к тетрадке, а теперь было достаточно взять в руки телефон и записать новый сюжет. Посещая оранжерею, профессор проглядывал, каким маршрутом может пройти новая история.

Но сегодня все было иначе. Сегодня вымышленный герой должен был умереть, ведь наконец профессор почувствовал вкус жизни и без его помощи.

– Пилар, – мечтательно пропел он, теряясь в воспоминаниях их недавней беседы.

Она была его студенткой. Он начал вести курс их группе в прошлом году и тогда не замечал еще ее, невысокую и очень худую, с коротко стриженными волосами, часто носившую мальчишескую одежду. В мыслях профессор, к его негодованию теперь, упускал Пилар прежде, обводя аудиторию своим взглядом, выхватывая для глубоких своих переживаний девушек с красотой иного типа.

Все изменилось после недавней лекции.

– Профессор Аугусто?

Голос, напоминавший скорее бойкого мальчишку лет девяти, нежели взрослую женщину, вернул профессора из мира истории, в который погрузился он в перерыве между лекциями, вспоминая материал для следующей группы, закрыв глаза и сложив руки, скрещенными ладонями на своей груди.

Открыв глаза, сперва он так и подумал, что перед ним стоит мальчик.

– Что? – спросил он, приходя из сна.

– Профессор Аугусто, я хотела поблагодарить вас, я давно это хотела сказать, как мне нравятся ваши лекции...

Профессор стал приглядываться и понял теперь, что говорит с девушкой и весьма милой.

– ...но вы всегда оставляли нам список литературы, а сегодня... – продолжила Пилар.

– Эти списки никому не нужны, – прервал ее профессор. – Я веду курс мировой истории уже многие годы и всегда спрашиваю на экзамене, вот если возникает спорный момент между "отлично" и "хорошо", я спрашиваю по спискам литературы, что читали, что могут сказать, но вот я заметил, уже последние несколько лет студенты перестали читать вовсе...

– Я все прочитала, – теперь уже Пилар прервала его.

– Да? – профессор на миг потерял дар речи. – То есть все, что я задавал до этой лекции?.. То есть у вас что...

Он хотел уже сказать: "у вас что, нет личной жизни?", но прервал себя, вспомнив, что и сам мог прочесть при желании книгу за вечер и сделать еще множество выдержек из нее в свой дневник.

– Я обычно закачиваю книги в телефон и читаю на работе. А сегодня у вас была интересная тема, вы говорили о начале двадцатого века, о том, как рушился мир королей и императоров и на их костях воздвигался новый, и что теперь, чтобы завладеть толпой, правителям нельзя уже просто сообщить миру, что их правление угодно богу, теперь правителями становятся популисты, а потом вы задумались и вдруг стали рассказывать, как молодой и бедный Кристоаль Колон мечтал о карьере мореплавателя, и вот проходят годы, а его дети судятся с кастильской короной за право вечного владения титулом вице-короля Индии...

– Это одна из тем, интересующих меня в истории. Человеческая страсть, из-за которой всегда проливается кровь. Вот Колон представляется нам ученым, мореплавателем, первооткрывателем, мы знаем его прошлое, как учился он понимать течение ветра, рисуя картины на площадях, но узнаем чуть глубже историю открытия Нового Света и вот уже он охваченный властью заковывает в кандалы аборигенов... Я поэтому всегда и говорю, страсть, самое важное из человеческих чувств, оно пересиливает любое, страсть к власти, страсть к плоти...

– Я хотела спросить список книг по сегодняшней лекции, – напомнила Пилар.

– Ах да... – профессор стал искать среди своих листов с записями. – Тут много всего можно прочесть, много интересного... Вот биографию Хьюи Лонга, потом еще "Гитлер по Шпееру", знаете, надо видеть проекты, чтобы понимать размеры человеческого эго, охваченного властью, и как эта власть, этот популизм разглаживает мысли и чувства других, тут "Банальность зла" Ханны Арендт...

Звонок на урок прервал их. Аудиторию заполнил следующий курс.

– Мне пора бежать, – сказала Пилар. – Спасибо большое за книги.

– Я ведь ничего и не посоветовал... Мысли путаются, но я вижу, вы интересуетесь предметом... Можем мы поговорить как-нибудь, может быть мы выпьем кофе в кафе, напротив.

– Да, конечно, мне очень интересно вас слушать.

И уже вышла она из аудитории, но профессор опомнился, выбежал в коридор и крикнул:

– А как вас зовут?

– Пилар!..

Имя вывело профессора из мечтательного сна, на кресле напротив экспозиции с бурлящей вулканической рекой в заброшенной оранжерее.

– Пилар... – повторил он одними губами.

Ему было близко к пятидесяти, невысокого роста и красотой не блистал даже в молодости, курносый, худощавый, волосы выются, теперь уже не разглядеть в них рыжеватого огня прошедших лет, полностью разгладились сединой, а на лице по коже сухая сетка морщин, у воротника рубашки на шее переходящая в бугристые складки.

– Ты плоть, – оборвал он полет своих мыслей, – плоть, которая стареет, становится хуже, плоть которая вскоре истлеет. Ради чего чужие страдания?

И тут же он вспомнил ее лицо, улыбнулся и утешил себя:

– Кто же еще подарит ей такую любовь?.. Просто так не согласилась бы пойти в кафе с таким стариком...

Он узнал, ее звали Пилар Эстевес, живет она с маленьким братом, воспитывает его одна, перебивается на заработки на местном заводе, где сок каучуковых деревьев превращают в резину, и несомненно мечтает о большем, а профессор Аугусто готов ей многое дать.

Он вскочил с кресла, подошел к экспозиции дикой сельвы, к картонным макетам, среди которых разливался радугой холодный фонтанчик. Профессор огляделся по сторонам, убедился, что никто не смотрит, опустил ладонь в ручеек, изображавший вулканическую реку, и освежил ледяной водой свое лицо.

– Здесь, у редющей сельвы, на границе с чужим государством генерал Моралес убьет тебя, – прошипел профессор, обращаясь к выдуманному им герою, чьей жизнью он довольствовался прежде. – Не нужен ты мне больше, дорогой Диего, ты угодишь в ловушку, навечно затеряешься в страшном лесу!

Раскачавшись от крика, профессор едва не упал, схватился за края сельвы, разломав несколько картонных деревьев, а в городе будто бы подчиняясь его всплеску эмоций, прогремели раскаты грома и потемневшее внезапно небо озарили молнии, знойный, ленивый вечерний воздух, еще несколько минут назад дрожащий от жары, освежил ветер и стая лисят, поживившись на городском рынке, бросилась, унося запасы краденного в зубах, в сторону леса.

Пышные лисьи хвосты мельтешили под ногами прохожих, бегущих к автобусной остановке у завода резины, оставили несколько волосков золотистой шерсти на липком берегу у вонючего ручья заводских стоков, потеряли еще немного шерсти от внезапного нападения живущих на окраине ворон, уже по лесному больших, желавших отобрать краденное с городских прилавков, и наконец успокоились, в тени деревьев лесной чащи.

Лес был здесь еще одноярусный, и не такой влажный, как в глубине сельвы, под низкорослыми деревьями кустились папоротники, корни которых шуршали от красных муравьев. Лисята стали полукругом, глядя в глаза друг дружке и улыбаясь, краденое лежало в куче посередине. Один из них, крупнее и старше прочих, едва слышно заскулил и остальные весело включились в песнь победы, кроме самого младшего лисенка, темношерстного, глаза его заискились страхом и резкий рык привлек внимание вожака. Стая тут же замолкла, прислушиваясь к лесным шорохам. Вожак прижал ухо к шуршащей листве, все напряженно наблюдали за ним, за глазами его, растущими от гнева, за ощерившейся пастью. Поднял голову и зарычал на лисят. Страшную весть принес шепот листвы, к ним приближался и быстро крупный зверь!

Схватили зубами, что получилось, случайно порвав и рассыпав несколько пачек с вяленным мясом и чипсами, и бросились бежать, сквозь ветки, бьющие по лицу, по скользкому, жирному мху, а зверь все ближе, слышно уже, как рвется под когтями его листва. Вожак сменил направление, бросился к звуку шумящих ручьев, стекавших из под корней обросших цветами деревьев, затем вновь повернул в самую чащу. Зверь немного отстал, но опять развернул всех вожак и сделал еще круг возле точки сбора, известной всем ранее, места, где заканчивалась жизнь лисят и начиналась совсем другая.

Топот маленьких лисьих лап вдруг затих, и зверь, огромный черношерстный волк, остановился, сжав землю под лапами острыми когтями, готовясь к рывку. Он прислушивался, глаза его сузились в острые щелки, шерсть поднялась. Было тихо и вдруг началась возня, и скуление лисят, словно больно им, будто бы их кусают, стало перерастать в стоны, человеческие стоны. Волк оскалил зубы и теперь уже слышал голоса мальчишек, испуганные, переругивались они меж собой. Зашуршала одежда, – "быстрее!" – крикнул один и волк бросился сквозь кусты и

деревья на них, но резкая боль замедлила его шаг. Старая рана на спине, глаза заслезились от сверлящих кости нервов, сбавил шаг, остановился совсем, схватил пастью толстую ветку и сжал до боли в деснах, до вкуса крови во рту. А голоса мальчишек все дальше, ускользают, и теперь отыскать их он сможет лишь по следам. Надо спешить, но боль не стихает.

Выпустил ветвь из зубов и тяжело вздохнул, опустив голову к земле. Ведь он еще не стар, но от ран на короткий миг забродил ярко белым рассудок, а теперь боль ушла, вместо нее слабость и судороги мышц. Такие погони больше не для него. Откашлялся и пошел медленным шагом к месту, где лисье скуление превратилось в голоса человеческих детей.

Это место, как он и полагал, оказалось небольшой поляной среди тучной сельвы. Подготовлено заранее, кусты и маленькие деревца вырублены, трава вытоптана. Волк обошел полянку по кругу, опустив нос к самой траве. Лисьи следы здесь искажались, растягивались по земле резким сведением мышц, как бывает при сильных болях, а затем появлялись следы человеческих ступней. Совсем маленькие, кажется, это были подростки. Резкий запах резины от их следов сбивал остальные. Вся поляна в шерсти с капельками их крови и пота. Он стащил шерсть лапами в кучу и зарыл листвою, и уже уходя увидел во тьме слоящихся широколиственных кустарников нечто странное, похожее на большой белый камень. Подошел поближе и понял, что это кроссовок одного из детей.

Когда он спустился к реке, лапы едва волочились. Он лег на черном берегу, положил голову на холодный песок, смешанный с вулканическим пеплом и окаменелым стеклом, и стал наблюдать, как скользит по тихим волнам лунный кораблик. Ночь сменила вечер, гроза прошла мимо города и небо было теперь совсем ясным.

Дыхание волка стало спокойным и тихим. Он закрыл глаза. Теперь он был готов к превращению. В его возрасте делать это с каждым разом сложнее.

Кровь стала медленно наполнять остывшие мышцы, глаза заболели, сжимаясь, словно кто-то давил на них пальцами, язык обжегся болью полоснувшего лезвия и десны закипели от маленьких трещинок, размягчаясь, меняя форму, и он закричал, задышавшись, покатился к воде, смяв кроссовок могучей спиной, с которой кусками сползала шерсть, вся кожа чесалась, раскрываясь кровотокающими порами, в которые тут же забивался песок, и дергающимися от судорог лапами он потянулся к спине, но длинные когти обломались о человеческую кожу, мышцы в ногах нестерпимо сдавило, затрясло, он раскрыл глаза, уже свои прежние глаза Диего Салара, брызнув кровью из под век, глядя как бьются на песке налитые огнем его ноги, как ломаются и вновь зарастают кости в красных, бугрящихся венах ступнях. Горло наполнилось желчью и он сжал глаза, отплеываясь и крича. Еще мгновение, плечи, грудная клетка и позвоночник расправились с хрустом, за которым услышал собственный затихающий, кашляющий вскриками боли голос.

Судороги становились тише, болело от каждого вдоха в груди. Он открыл глаза вновь и увидел над собой звездное небо и пар, вздымавшийся от его тела.

Он лежал на спине, голый, покрытый смешавшейся с песком, потом и шерстью кровью.

Еще миг на холодном песке, судороги ушли и усталость обрушилась на его измученное тело. Но засыпать нельзя. Если никто и не видел его, то крики услышать могли. Еще в прошлом году он почти не кричал, а стоит ли вспоминать то время, когда он был подростком. Тогда казалось, превращение длилось не больше минуты и почти безболезненно.

Медлить не стоило. Он поднялся, стряхнул песок, привязал кроссовок шнурками к руке и вошел в холодную воду, погрузился на миг с головой, чтоб оставить все лишние мысли, и поплыл по течению в сторону города.

Тело слегка покалывало от холода, расходившиеся вокруг него волны приятно шумели, сияя скользкими по ним, словно горкам из черного непрозрачного льда, звездам и луне.

Огни города приближались, сладковатый воздух сельвы наполнился горечью жженой резины и он поплыл к берегу. Здесь заканчивался дикий лес, несколько ручьев отрезали его от

поля мягкой травы, по которой приятно идти босиком, а за ней куст роз у деревянного забора, маленький дом с белыми стенами, от одной из которых к столбику во дворе растянута веревка с бельем.

Он перелез через забор, чтобы не скрипеть калиткой, отвязал с руки и положил на скамейку кроссовок, снял с крючка у стены дома полотенце и вытерся. В тумбочке с ящиками для инструментов, стоявшей под летним навесом, у него был припрятан пакет со штанами и футболкой. Там же взял пачку сигарет и зажигалку, оделся и сел на скамейку, закулив, стал рассматривать в свете луны добытый из леса детский кроссовок.

– Это все, что ты принес домой, – спросила его жена.

Она незаметно вышла из дома, пока он переодевался под навесом во дворе, и прислонившись плечом к брусковым опорам крыши наблюдала за ним. Ее глаза сияли луной, а улыбка не могла скрыть поджатых губ.

Он отложил кроссовок, затянулся покрепче и выпустив дым, улыбнулся в ответ.

– Я ведь говорил, что задержусь.

– Говорил, – она вздохнула и подошла к нему, села рядом и взяла кроссовок в руки. – Это что, твое новое дело?

– Не смейся, – он отобрал кроссовок. – это... зацепка в одной истории. Это может принести деньги.

– Может, – она фыркнула и пошла в дом. – Я разогрею тебе ужин. Он принесет тебе немного сытости и тепла.

Он смял сигарету в кофейной банке, служившей пепельницей, и раскурил новую.

– Так ведь проще общаться, да, Мария? – думал он вслух. – Когда ненавидишь друг друга даже немного легче, как-будто ты ничем не обязан...

Не докурив, сжал сигарету в кулаке, бросил в банку и пошел в дом. Отражение в запотевшем зеркале ванной комнаты как и прежде в дни превращений казалось ему чужим. По волчьим широкие скулы, большой нос, темные глаза, густые брови и черная, с редкими седыми волосками, кудрявая шевелюра.

– Сбежать в лес? – спросил он свое отражение. – Забыться и остаться волком навсегда?

Он и сбежал бы, но здесь, в доме на окраине у берега реки ждала его не только Мария, но и Густаво, их маленький сын, и боялся Диего больше всего за него. Станет он оборотнем, как отец? Придется нести ему тяжелое бремя, скрывая свою личность от властей и бандитов, разыскивающих оборотней ради их драгоценной крови?

Кровь была одной из причин, почему такие как он скрывали свою сущность. Сам он часто спорил с сослуживцами по поводу теорий о крови оборотней. Почему, если она обладает лечебными и омолаживающими свойствами, те оборотни, которых изучали в шестидесятые, не привели ученых к формуле новых лекарств?

Правда, тех двоих нашли уже взрослыми. Эксперименты довели их до смерти и больше известных миру случаев исследований оборотней не было. Тела попавшихся, истерзанных учеными мужчины и женщины, сожгли, а позже, когда архивные видео породили теории заговора и нелепые сплетни, правдивость истории о находке властями оборотней стала шаткой, как городская легенда.

Большая часть населения страны давно уже забыла эту историю, но Диего работал следователем в городском управлении полиции и знал, на черном рынке кровь оборотня ценный товар.

Однажды он уже смог выйти на след оборотней, двух братьев близнецов, прозванных свой картель ягуарами в честь животных, в которых они обращались. Диего выследил их обращение в лесу и застрелил, едва они стали людьми. Он был намного моложе и глупее. Случись это сейчас, он бы поймал этих двоих и продал. Теперь он даже знал, к кому обратиться.

Как-то во время короткой встречи, один из самых влиятельных людей в стране, генерал Моралес, намекнул Диего о том, что любая информация об оборотнях будет им дорого оплачена. Мария после того случая долго злилась на Диего за то, что упустил возможность и не бросился в ноги генерала, не попросился к нему на работу.

С тех пор помешался Диего на возможности найти оборотня и продать генералу. Ему нужно было именно найти, ведь просто взять и отдать свою кровь опасно. Генерал будет искать, чья она, не найдя никого, начнет следить за Диего, за каждым его вздохом, увидит однажды его превращение в лесу и тогда доберется до Густаво.

Лицо в зеркальном отражении было все тем же, чужим.

– Вот я и нашел оборотней, – сказал отражению Диего.

По его сердцу давно уже пробежала трещина. Волчью натуру считал он подлинно своей и она прошептала:

– Ты ведь искал оборотня бандита. Мерзавца, которого не жалко сдать генералу... ведь ты знаешь, что генерал может сделать с этими детьми...

Но человеческая часть ответила:

– Все равно.

Холодное овощное рагу ждало его в небольшой керамической плошке под бледным, мерцающим огоньком кухонной лампы. Мария курила и смотрела в окно, по звукам отслеживая его действия. Диего положил в рот ложку еды и не чувствуя вкуса, захрустел жареными кубиками батата в соусе из сладких помидор. Мяса было совсем мало и оно было сухим.

– Ты так и не рассказал, что за охренительная история с детским ботиночком? – все так же глядя в окно, сказала она.

Порой Диего удивлялся, как ее милое лицо и большие, искрящиеся любознательностью ребенка глаза, сочетались с ее характером. Щелчком пальцев Мария отправила зажженную сигарету в форточку и повернувшись к Диего, уселась на подоконник.

– Это... – Диего перестал есть, положив ложку в тарелку.

– Ну?.. Ох, так и знала, – Мария слезла с подоконника, налила стакан воды и выпила, едва не захлебнувшись. – Ты это что, нашел на мусорке для нашего сына?.. Мы и так живем в мусорке. На окраине у этого резинового завода. Ты хоть думаешь о здоровье Густаво? О моем здоровье? Сам то весь день в городе.

– Думаю, – тихо ответил Диего.

– Думает, – Мария бросила стакан в раковину. – Черт, а ведь у тебя был шанс с Моралесом... был. Ты помнишь Альфредо, моего одноклассника? Как же не помнишь. Ты же и посадил его в тюрьму. А вот недавно я встретила его в городе, стыдно в глаза смотреть. Знаешь, что с ним случилось в тюрьме? Он повстречал там какого-то из далеких родственников генерала, подружился, они вышли почти в одно время и Альфредо через этого мужика смог увидаться с генералом и уж он своего шанса не упустил...

– Я видел Альфредо недавно. Он теперь в охране генерала.

– Видел... Сколько раз уже... – голос ее сорвался, она посмотрела сквозь шторы гостиной на запертую дверь комнатки их сына и продолжила шепотом. – Спрашивала тебя, что тебя так тянет в этот лес, пропадаешь там, возвращаешься оттуда по ночам... я знаю, у тебя с головой что-то, но... – зажмурила глаза, по щекам побежали слезы. – к черту тебя!

Развернулась и ушла. Диего открыл окно. На кухню вместе со свежим воздухом ворвался стрекот ночных насекомых.

– Так легче общаться, – сказал он ночной тьме снаружи. – Но я тебе все расскажу... Я не хочу больше этого, этой ненависти...

Диего захлопнул окно и пошел в спальню, но Марии там не было. Он нашел ее в соседней комнате. В детской, на краю кровати, у ног спящего, закутавшегося в простыню Густаво.

Диего подошел к ней и осторожно положил ладонь на плечо. Мария поерзала, но не повернулась к нему.

– Этот ботинок... – прошептал Диего. – ...от оборотня... ты знаешь, как ценит их генерал...

Мария повернулась. В глазах еще блеснули слезы, но печали на ее лице больше не было.

– Но есть проблема... – продолжил Диего. – ...это мальчишка.

Мария улыбнулась.

– Разве это проблема? – спросила она.

Глава вторая.

Не успела еще ночная тень покинуть душные городские улочки, когда Пилар, уставшая и сонная после рабочей смены, спрыгнула с ножки заводского автобуса.

Забегала в круглосуточный супермаркет, зевая в пустых проходах овощного отдела минут пятнадцать вспоминала вчерашний обед.

– Что же ты вчера кушал, маленький мерзавец? – рассуждала она вслух. – Сосиски с макаронами?.. Хм, и время не придется тратить на готовку, Пабло сам все сварит... Нет, у него уже изжога скоро будет от этих сосисок... ночью надо было думать, что покупать, а ты все книжки свои читала...

Суп в банке, две баночки йогурта и бутылка молока. На кассе увидела шоколадку, задумалась, прикусив губу.

– Покупаете? – спросила кассирша.

– Ага.

Ценник вышел неожиданно большим, но не отменять же. Вышла из магазина в легком притуплении, считая деньги в голове, беззвучно шевеля губами, прикидывая варианты до зарплаты.

– Ладно, это шоколадка для Пабло, надо же ему вкусности покупать, – успокоила себя Пилар.

На часах было уже семь, когда она зашуршала ключами у дверей квартиры, а в мыслях: "первая пара в девять, последняя в два, как ты собираешься не отключаться?"

Очувтившись в квартире, словно зомби потянулась на кухню, быстро скинув кеды.

– Кофе, – говорила с собой Пилар чтоб не уснуть, раскладывая купленное в холодильник. – Две ложки, и кружку побольше...

Глаза слипаются, похлопала себя по щекам, поставила чайник в раковину, набрать воду.

– Что за запах?

Едва не провалилась в сон, ставя чайник на плиту, зажмурилась, открыла глаза, и только сейчас посмотрела на пол, под ногами у плиты кусочки слипшейся рыжей шерсти.

– Идиот, – хлопнула себя ладошкой по лбу Пилар и побежала в соседнюю комнату.

Пабло клубочком, в одних трусах лежал на раскладушке, пятки черные, на шиколотках капли застывшей грязи. Простыня валялась на полу вместе с подушкой, весь пол в шерсти и комках земли, одежда в коробке у дверей грязная и сырая.

Ему было четырнадцать, но выглядел он не по годам взрослым, намного крупнее и сильнее сестры, но сейчас, увидев его, спящего, сжавшегося, обхватившего во сне свои колени, ведь как обычно на ночь оставил окно нараспашку, позабыла Пилар весь свой гнев и лишь задрожала, хотелось ей ругаться и плакать, но сил никаких уже не было.

– Дурак, – прошептала она.

Пощупала его лоб. Теплый, все в порядке. Потрясла за плечо.

– Просыпайся, – шепотом, голос куда-то пропал, повторяла она.

– А? – Пабло повернулся к ней, зевая, пытаясь разлепить глаза. – куда так рано будишь?

– Ты чего вчера делал? – Пилар почувствовала, как подступают к глазам слезы, а в горле комок мешает говорить.

– А что такого? – Пабло сел, почесал свою кудрявую шевелюру. – Еще рань такая, я бы спал, а теперь вот разбудила.

– Шерсть, – сказала Пилар. – Весь пол в ней.

– А...

Он встал, поискал взглядом одежду.

– И грязь, – сказала Пилар.

Голос теперь вернулся к ней.

– Иди, немедленно прими душ.

Она схватила брата за руку и повела за собой, включила воду в душе, затолкнула его в ванную комнату и вышла, заперев дверь, оперлась на нее спиной и прижимаясь, медленно опустилась, сев на пол.

– Ну и что такого? – сквозь шум воды донесся голос брата. – Ты ведь знаешь, что это часть меня? Я не могу не превращаться.

– Можешь... – она сжала зубы, в горле пересохло от желания ругаться матом. – Знаешь, что с тобой сделают, если поймут?.. А твои дружки? Один из них проболтается, решит разбогатеть и все!

– Никто из братства не проболтается даже под страхом смерти.

– Братства... – повторила она и заметила, что на тумбочке для обуви у входной двери чего-то не хватает, – где у тебя второй кроссовок?..

Шум воды стал сильнее.

– Я спросила, где второй кроссовок?

Пилар встала и осмотрела все вокруг тумбочки, сходила в комнату брата и вернулась, сжимая кулаки.

– Где кроссовок?! – ударила она кулаком по двери и услышала, как со скрипом закрылся кран и шум льющихся струй воды прекратился.

– Где? – повторила она, но ответа не было.

На кухне засвистел кипящий чайник, вздохнув, Пилар отправилась к нему. Она уже помешивала ложкой кофе, когда на кухню, осторожно ступая, зашел Пабло.

– Ты вот чего такой злой ко мне? – рассматривая кофейную пенку, спросила Пилар.

– Это случайно... – опустив глаза, ответил Пабло.

Он все ждал, что Пилар будет ругаться, но она молчала. Оставив кофе, смотрела, как солнце рисует на металлических крышах соседних домов огненную черту.

– За нами кто-то гнался, – начал Пабло, – ...мы торопились, кроссовок куда то пропал и у меня не было времени искать его... я схожу днем и поищу...

– Нет, – ответила Пилар. – Пусть лучше сгниет в этом проклятом лесу.

– Просто... как же мне жить без своей лисьей стороны?.. Ну... я не могу бросить ее, как ты... это... это часть меня, это вся моя жизнь...

– Жизнь, это список дел, – холодно ответила Пилар. – И не больше.

Помолчав, Пабло спросил чуть слышно:

– Что теперь будет?

– После универа пойду тебе за новой обувью... пей чай, пока горячий, в холодильнике есть для тебя шоколадка, – ответила она.

Пабло постоял еще и ушел к себе. Маленькими глоточками Пилар допила кофе и пошла в душ.

Джинсы и рубашка слишком пропахли работой, чтоб носить в приличное место, Пилар посмотрела в шкафу и поняла, что чистой одежды у нее нет. Ничего, зато есть у Пабло. Постучалась и приоткрыла дверь. Пабло плотно закутавшись в простыни, лежал, отвернувшись к стене.

– Что еще ты хочешь? – спросил он. – мне и так стыдно.

– Ничего, переживешь, – ответила Пилар.

Пабло изнашивал одежду куда быстрее ее, поэтому Пилар часто покупала ему что-то новое. Вот совсем не надевал еще светло-коричневые брюки и белую сорочку, покупала ему для школы, чтоб выглядел прилично, а он так и не носил ни разу.

Унесла к себе в комнату одежду и примерила. Сорочка была длинной и просторной, почти до колен, одела под нее майку, из тех, что пахли посвежее, а сорочку не стала застегивать, закатав рукава до локтей. Брюки тоже пришлось немного закатать. Ремней у нее не было, затянула пояс витой веревкой. Купила как-то такую, чтобы оборачивать ими в холщовую ткань или жесткую бумагу разные вещи.

– Кажется, не так все и плохо, – подмигнула себе Пилар, стоя у зеркала.

Перевязала такой же веревкой стопку тетрадей. Так интересней, чем просто положить в пакет, а этим утром Пилар как никогда нуждалась в таких мелочах, способных ненадолго отвлечь ее от насущных дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.